

18+

Тень на склоне магии

ИДУЩИЙ БЕЗ ЗНАМЕНИ

Юрий Гринько

Тень на склоне магии

Юрий Гринько

Идущий без знамени

«Издательские решения»

Гринько Ю. А.

Идущий без знамени / Ю. А. Гринько — «Издательские решения», — (Тень на склоне магии)

ISBN 978-5-00-677464-3

Он больше не часть гильдии. Теперь Крас идёт среди чужих — рядом с теми, кого ещё недавно считал врагами. Вокруг солдатские лагеря, охота на чудовище и люди, привыкшие выполнять приказы без вопросов. С каждым шагом он всё дальше уходит от прежней жизни, теряя друзей, иллюзии и право оставаться ребёнком. «Идущий без знамени» — история о дороге через войну и человеке, который продолжает идти, даже когда впереди почти не осталось света.

ISBN 978-5-00-677464-3

© Гринько Ю. А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Карта мира	7
Пролог	8
Глава 1 — Путь в неизвестность	9
Глава 2 — Возвращение болот	15
Глава 3 — Ловушка	20
Глава 4 — Кровавая схватка	24
Глава 5 — Бессмертный	28
Глава 6 — Древняя казнь	32
Глава 7 — Спасители	36
Глава 8 — Игрушки для выживания	42
Глава 9 — Возвращение в болота	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Идущий без знамени

Юрий Анатольевич Гринько

© Юрий Анатольевич Гринько, 2026

ISBN 978-5-0067-7464-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Некоторые дороги не ведут домой. Они идут дальше — туда, где теряют имя, друзей и страх. Где магия уже не загадка, а оружие. Где правда — тяжёлая, как железо, и режет не хуже. Это третья книга. Мир стал шире. И темнее. Спасибо, что вы всё ещё здесь.

«Идущий без знамени» — третья книга четырёхтомного цикла «Тень на склоне магии», история мальчика, которому уже некуда отступать.

Все права защищены. Ни одна часть этой книги не может быть воспроизведена, передана, опубликована или сохранена в любой форме без письменного разрешения автора, за исключением кратких цитат в рамках закона.

Это художественное произведение. Все персонажи, события и места вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми или обстоятельствами — случайны.

Карта мира

Пролог

Темно. Душно. Я не сразу понял, что происходит — только чувствовал, как мы остановились и как что-то тяжёлое продолжает давить мне на грудь и мешает дышать. Вдруг сверху раздался голос, кто-то грубо сдёрнул шкуры, и в глаза ударил яркий свет.

— Садись рядом, — буркнул старик, что сидел на козлах. Голос у него был хриплый, дребезжащий, каждое слово звучало так, будто ему тяжело говорить.

Я моргнул, пытаясь привыкнуть к свету. Старик, который звал себя Хаан, был очень худым и казался древним, как сама дорога. Его лицо всё в морщинах, кожа натянута, как старый пергамент, а глаза — светлые, цепкие, будто видят меня насквозь. Я почувствовал, как внутри всё сжалось — хотелось спрятаться обратно под шкуры, чтобы меня не видели, не трогали.

Но я знал, что если буду сопротивляться, будет только хуже. Я заставил себя сделать вдох, потом ещё один, и медленно выбрался наружу. Затекие ноги дрожали. Я послушно забрался на козлы рядом со стариком, стараясь не смотреть ему в глаза и не выдать свой страх.

Повозка была большая, запряженная двумя лошадьми, их спины блестели от пота. По обе стороны от нас ехали двое верховых. Они выглядели просто: грубые рубахи, потертые штаны, как у обычных крестьян, что возвращаются с поля. На поясе у каждого короткий меч. Ни доспехов, ни щитов — только мечи.

Я украдкой посмотрел на старика. Он заметил мой взгляд и тихо сказал:

— Не вздумай устраивать сцен, парень. Понял?

Я кивнул, сжав руки на коленях.

— Слушай хорошенько, — продолжил он, не поворачивая головы. — Отныне мы с тобой родня. Я твой дед, а эти двое — твои дяди. Ведешь себя спокойно, не стесняешься задавать вопросы, понял? Никто тебе вреда не причинит, если ты не будешь дурить. Звать-то тебя как?

Я на мгновение замер. Какое имя ему назвать? Тень. Первое, что пришло в голову. Но эта кличка, моя вторая кожа, должна была умереть там, в подземельях Велграда, вместе с остальной гильдией. Кроме Лорна, никто больше не знал меня под этим именем. И магистр, скорее всего, уже мертв. Прошное нужно было оставить в прошлом.

— Крас...

Сначала я подумал, что он надо мной насмехается. Или что это какая-то ловушка. Сердце забило ещё быстрее, но тут же я понял: старик говорит серьезно. Он объяснял мне правила игры, в которую нам предстоит играть. И пока я играю по его правилам, мне ничего не угрожает. Может, даже получится найти способ сбежать... но как? Куда бежать, если вокруг враждебный мне мир, а в Велграде меня и вовсе повесят?

Внутри все еще дрожало, но я уже знал: сейчас лучше слушаться, не перечить, не показывать свой страх. Лошади тронулись, и повозка покатила по пыльной дороге, уводя меня все дальше от города.

Глава 1 — Путь в неизвестность

Дорожная пыль висела в воздухе, забивалась в нос и скрипела на зубах. Поднятая копытами и колесами, она оседала на одежде и, казалось, покрывала собой весь мир. Я сидел рядом с Хааном, чувствуя себя мышью перед удавом. Он молчал, и его молчание было тяжелее любых слов. Его морщинистые руки крепко сжимали кожаные поводья, и я невольно представлял, как они с такой же легкостью могут сдавить чью-то шею. Рядом с нами ехали двое его спутников — Торм и Веик, мои новоявленные «дяди».

Торм был высоким и жилистым, с каштановыми волосами, собранными в хвост. Его лицо казалось строгим и непроницаемым. Он редко улыбался, и я думал, что улыбка, наверное, треснула бы на его лице, как глина на солнце. На вид ему было лет тридцать, может, чуть больше. Веик выглядел помоложе, лет двадцати пяти, с рыжеватой бородкой и светлыми глазами. Он чаще других поглядывал на меня, и в его взгляде было не просто любопытство, а что-то хищное, выжидающее. Они выглядели как крестьяне, но двигались как охотники, и я им не доверял.

— Мальчик, ты умеешь держаться в седле? — спросил Веик, когда мы остановились напоить лошадей у придорожного ручья.

— Нет, — честно ответил я. — Родители были слишком бедны для того, чтобы владеть лошадью.

Торм и Веик переглянулись и усмехнулись.

— Тогда хотя бы не нужно бояться, что ты ночью уведешь коня, — сказал Торм с явным облегчением.

— А драться умеешь? — добавил Веик.

— Немного, — ответил я, вспомнив уроки в гильдии. Ветка и Игла пытались научить нас владеть ножом, но особых успехов я не достиг. Я с горечью вспомнил, как умирали мои друзья. Друзья? Наверное, они и правда были мне друзьями. События в пещере не выходили из моей головы. Я закрывал глаза и видел, как падает раненая ножом Игла, как стрела вонзается в грудь Ветки...

Хаан хмыкнул, но ничего не сказал.

— Где нас ждут неприятности, мастер? — тихо спросил Торм, обращаясь к Хаану.

— В крепости Железного Кулака, — ответил старик, его дребезжащий голос звучал спокойно. — Но туда еще добраться надо.

— А зачем нам туда? — не удержался я.

Хаан медленно повернул ко мне голову, его цепкие глаза, казалось, заглядывали мне прямо в душу. От этого взгляда по спине пробежал холодок.

— Затем, что там кое-кто нас ждет. Да и дорога в столицу идет прямо через их замок...

Больше он ничего не объяснил, как ни старался я вывести подробности.

К полудню нам попались первые встречные. Торговая повозка, нагруженная мешками с зерном, ползла нам навстречу. Возница — бородатый мужчина в засаленной шапке — приветливо махнул рукой.

— Добрый день, путники! Далеко ли держите путь?

— В Алтарис, — коротко ответил Хаан.

— Ох, не советую, добрый человек! — торговец покачал головой. — В самой столице неспокойно. Лорды меж собой грызутся, как собаки, на простолюдинов им дела нет. Цены на хлеб растут, стража злая, как черти. Говорят, король заперся во дворце и никого не принимает. А южнее столицы и вовсе беда — бандиты деревни жгут, к войне большой дело идет. Целые деревни с места снимаются, идут на север в страхе. И дикие вести несут.

— Какие вести? — спросил Веик.

— Да всякие. То ли чума, то ли нечисть какая. Я дальше Речного брода не езжу — там людей больше, безопаснее. И про птиц говорят, что в последние годы скот уносят, и про тварей лесных.

При слове «нечисть» я поежился, вспомнив липкий ужас болот. Я старался не смотреть на Хаана, но чувствовал, что он заметил мою реакцию.

Старик кивнул и тронул поводья. Мы поехали дальше, а торговец остался позади, качая головой.

— Мастер, на этом тракте слишком много людей, — сказал Торм. — Это может привлечь лишние глаза. Может, стоит выбрать другую дорогу?

— Лишнюю неделю через горы я тратить не намерен, — твердо ответил Хаан.

Через час нам встретилась группа беженцев — семья с детьми на старой телеге, груженной скорбью. Женщина прижимала к груди младенца, мужчина уныло тащился рядом с лошадью. Двое детей постарше сидели в телеге, их лица были серыми от дорожной пыли.

— Господа, не скажете ли, далеко ли до Велграда? — окликнул нас мужчина.

— Нет, — ответил Хаан. — Недалеко.

— Слава богам! — мужчина облегченно вздохнул. — Наконец нашим тяготам придет конец. Мы знаем, что многие из жителей Велграда ушли на войну, и теперь в городе нужны будут рабочие руки.

Женщина кивнула, прижимая младенца к груди. У нее было такое же измученное лицо, как у моей матери в последние месяцы перед... перед смертью. Я почувствовал, как что-то сжалось в груди до боли. Эти люди — их пыльная одежда, потухшие глаза, тощая лошадь и жалкий скорбь на телеге — были зеркалом. В них я видел свое прошлое, свою семью, свою собственную судьбу, если бы война настигла меня раньше предательства старосты из Речной деревни. Эти люди верили в спасение в Велграде, но я знал, что этот город — просто другая ловушка.

Хаан молча достал из кошелька несколько медных монет и протянул беженцу.

— Спасибо, добрый человек, — мужчина поклонился. — Да хранят вас боги.

Мы поехали дальше, оставив их позади. Я покосился на Хаана, ведь не ожидал от него такой доброты.

— Зачем ты им дал деньги? — спросил я.

— У них дети, — ответил старик, пожимая плечами. — Пускай порадуются перед тем, как поймут, в какое гиблое место превратился Велград.

К вечеру мы повстречали еще одну группу — на этот раз крестьян с телегой, полной тыкв и капусты. Они ехали на ярмарку в соседнюю деревню. Видать, Велград с его налогами стал для этих людей слишком дорогим и опасным.

— Э, путники! — крикнул один из них. — Не из тех ли краев, где нечисть развелась?

— Какая нечисть? — спросил Веик.

— Да говорят, в болотах что-то страшное живет. Целые стада скота пропадают. А один охотник рассказывал, что видел тварь размером с дом, всю черную, с горящими глазами.

От этих слов я вздрогнул так, что скрипнула доска повозки. Воспоминание ударило, как молния: огромное тело, смрад гниющей тины и два огня, горящие во тьме. Хаан бросил на меня быстрый взгляд, и под его взором мой страх стал почти осязаемым. Он читал меня как книгу.

— Сказки, — буркнул Торм, но его глаза метнулись к лесу. Он тоже был настороже.

— Сказки не сказки, а люди бегут, — настаивал крестьянин. — И правильно делают.

Когда крестьяне скрылись за поворотом, Веик обратился к Хаану:

— Мастер, а не связано ли это с нашей целью?

— Может быть, — загадочно ответил старик. — Время покажет.

Солнце клонилось к закату, когда мы свернули с главной дороги на заросшую тропинку. Впереди среди кривых деревьев виднелись развалины каких-то строений.

- Здесь переночуем, — объявил Хаан.
- Что это за место? — спросил я, спрыгивая с повозки. Ноги гудели после долгой дороги.
- Храм Гурта¹, бога войны, — ответил Хаан, оглядывая руины. — Давно заброшенный.

¹ Гурт — Забытый бог войны, разрушения. Символ: окровавленный топор или щит со скрещенными мечами. Черты: мрачный, требующий кровавых жертв.

Пока Торм и Веик занимались лошадьми и разводили костер, я побродил среди руин. От камней веяло холодом и забвением. Я дотронулся до одного из них — он был шершавый и влажный. На уцелевшей стене я заметил выбитые в камне символы — скрещенные мечи, щиты с копьями, и фигуры воинов в доспехах. У входа валялись обломки статуи — видимо, когда-то здесь стоял сам Гурт в боевом облачении. Теперь его поверженное тело лежало в пыли, расколотое на куски.

— Хаан, как ты понял, что это именно храм Гурта? — спросил я.

Старик подошел и указал на высеченный в камне щит с двумя скрещенными мечами. Мой взгляд, для которого сгущающиеся сумерки были не помехой, а лишь сменой освещения, выхватил то, что Хаан, скорее всего, нащупал по памяти: тонкие трещины, забитые многолетней грязью, и крошечного жучка, замершего в углублении рисунка.

— Его знак. Везде одинаковый, — объяснил он, а потом вздохнул. — Жаль, что Гурта забыли. Сейчас его помощь была бы очень кстати...

Мы поужинали сушеным мясом и хлебом. Огонь весело трещал, отбрасывая на древние стены пляшущие тени. Они оживали, и мне казалось, что фигуры воинов на камне движутся, готовые снова ринуться в бой. Торм и Веик негромко переговаривались о чем-то своем, а я сидел и смотрел на пламя.

— Крас, — неожиданно обратился ко мне Хаан. — Ты боишься?

— Немного, — честно признался я. — Я не знаю, что меня ждет.

— Страх — это хорошо. Он не даст тебе совершить глупость.

— А ты боишься? — осмелился спросить я.

Старик долго молчал, глядя в огонь.

— Я давно забыл, что такое страх, — наконец сказал он. — Когда ты видел, как мир горит по-настоящему, обычные опасности перестают тебя тревожить. Страх отвлекает. А у меня в столице есть дело, которое нужно закончить.

Торм и Веик легли спать, завернувшись в плащи рядом с костром. Хаан вызвался быть первым в карауле и сел, прислонившись спиной к развалинам. В темноте я видел его пугающе четко: каждую глубокую морщину на лице, застывшую каплю пота на виске и то, как его глаза, подернутые туманной дымкой, медленно блуждают по окрестностям. Он и сам стал похож на еще одну статую среди руин, только гораздо более опасную.

Я лежал на своем одеяле и смотрел на звезды сквозь дыру в крыше. Они были такие же холодные и далекие, как мое будущее. Мысли роились в голове, как мухи над падалью. Побег. Одно это слово стучало в висках, не давая уснуть. Я знал, что мог бы уйти прямо сейчас — в этой темноте Хаан и его спутники не увидели бы меня. Мой дар делал меня невидимым для их глаз. Перекат в сторону, быстро метнуться за остатки каменной стены, затем бегом к тем кустам... Я видел этот путь так же ясно, как если бы светило солнце. Но куда бежать? Вернуться в Велград — значит самому надеть петлю на шею. Бежать в леса — стать добычей бандитов или чего похуже. Получалось, что моя единственная дорога — та, что ведет прямо в пасть волку, в столицу, о которой говорил Хаан. От этой мысли во рту стало горько.

Я вспомнил свой дом на реке, маму и отца. Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как я покинул родные места. Тогда я думал, что мир большой и полный приключений. Теперь я понимал, что он еще и смертельно опасен и у него на меня свои планы.

Рядом со мной похрапывал Веик, а Торм беспокойно ворочался во сне. Хаан сидел неподвижно, как изваяние, лишь изредка поворачивая голову и вслушиваясь в ночные звуки.

Где-то вдалеке ухнула сова, в кустах зашуршало. Обычные лесные звуки. Но сегодня они казались мне предвестниками беды. Я приподнял голову и всмотрелся в темноту за краем света костра. Там, в густых зарослях папоротника, я отчетливо разглядел испуганную лесную мышь,

замершую с зажатым в лапках зернышком — мелкая подробность лесной жизни, скрытая от всех, кроме меня.

Я думал о том, что случится завтра. Хаан говорил про какую-то крепость, про людей, с которыми хочет встретиться. Зачем?

Постепенно веки стали тяжелыми. Перед тем как окончательно уснуть, я вдруг вспомнил, что именно осенью, примерно в это время, мы с родителями отмечали мой день рождения. Интересно, он уже наступил? Кажется, да. «С тринадцатым днем рождения, Крас», — подумал я и тут же провалился в беспокойный сон, где мне по-прежнему снились горящие глаза болотной твари, поверженный каменный бог и дребезжащий смех старика, который эхом отдавался среди руин.

Глава 2 — Возвращение болот

Утро встретило нас серой дымкой и запахом влажной земли. Пыль осталась позади, словно мы пересекли невидимую границу. Воздух стал гуще, тяжелее, и даже солнце, пробиваясь сквозь облака, казалось бледным и водянистым. Мы ехали по тракту, который теперь вился среди позеленевших холмов и рощ. По обочинам все чаще стали попадаться лужи и заболоченные низины.

Мои «дяди» тоже изменились. Веик больше не пытался заговорить со мной, а его взгляд стал настороженным. Он и Торм теперь ехали ближе друг к другу, их разговоры стихли, а руки почти не отрывались от рукоятей мечей. Они постоянно осматривали горизонт, словно ждали врага за каждым деревом. Напряжение висело в воздухе, как туман над болотом.

Я набрался смелости и решил расспросить Хаана.

— Хаан, — начал я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — А что мы будем делать в этой крепости? Нам нужно с кем-то встретиться?

— Нам нужно переночевать, — не поворачивая головы, ответил он. — А дальше видно будет. Если повезет, заказчик сам нас найдет.

Заказчик. Слово прозвучало чужеродно и холодно. Одно дело — ехать в столицу, спасая свою шкуру, и совсем другое — выполнять чей-то заказ в этом богом забытом краю. Я хотел спросить, что это за заказ, но, поймав на себе тяжелый, предупреждающий взгляд Торма, осекся. Меня вдруг осенило — они ведь убийцы. И заказать у них могли лишь смерть. Вопрос застыл на губах, оставив горький привкус.

К полудню мы нагнали небольшой караван — две телеги, заваленные шкурами и бочками. Торговцы, судя по их усталым лицам, ехали уже не первый день. Они с явным облегчением приняли нас в свою компанию. Несколько часов мы двигались вместе, и эта маленькая горстка людей посреди враждебного пейзажа давала хрупкое ощущение безопасности.

— В столицу путь держите? — спросил один из торговцев, коренастый мужчина с бородой лопатой.

— Туда, — кивнул Хаан.

— Осторожнее будьте. Места гнилые пошли, — вздохнул торговец, понизив голос почти до шепота. — Мы ночь провели в Вязеле, так там страху натерпелись. К вечеру пастух в деревню прибежал, белый как полотно. Кричал, что черная тварь прямо у него на глазах корову в топь уволокла, а та так отчаянно выла, что кровь в жилах стынет. Но это еще не все. В деревне шепчутся, что на соседнем хуторе, у самой трясины, все пропали. И люди, и скот. Говорят, стены в доме и сарае проломлены, и все вокруг в крови... Жуткое дело. Люди теперь из деревни нос высунуть боятся.

Я похолодел, живо представив, как из темной воды появляется черная туша и уволокивает отчаянно мычащее животное. Одно дело — слухи от проезжих крестьян и совсем другое — рассказ почти очевидца.

— А что за тварь? Ее видели? — спросил Веик.

— Никто толком не рассказывает. Говорят, огромная, черная, и воняет от нее гнилью за версту. Некоторые болтают, будто это не просто зверь, а дух старого болота, которого разбудили.

Мы проехали с ними еще пару часов, пока дорога не разделила нас на развилке. Торговцы, поблагодарив за компанию, свернули на запад, в сторону более оживленного тракта и гор.

— Ну, бывайте, добрые люди! — крикнул нам бородач на прощание. — И пусть боги хранят вас на этой дороге!

Мы помахали им в ответ и остались одни, снова погружаясь в тишину, которая теперь казалась зловещей.

Чем дальше мы ехали, тем больше окружающий мир напоминал мне родные края. Мой взгляд, проникающий сквозь мутную поверхность придорожных луж, выхватывал то, что другие принимали за обычные коряги: обглоданные кости какого-то крупного зверя, наполовину ушедшие в ил, и жирных, белесых личинок, копошащихся в гниющих остатках камыша. Этот болотный пейзаж, выставленный моим даром напоказ, заставлял меня вздрагивать от каждого всплеска. Я видел, как напряглись Торм и Веик, как они опасливо косились на ржавую воду и скрюченные деревья, что тянули к нам свои голые ветви, похожие на узловатые руки старух. Они боялись этого места, потому что оно было для них чужим. Я же боялся его, потому что слишком хорошо знал, на что оно способно. Я узнавал этот особый запах прелой травы и ядовито-зеленый цвет мха, который кажется твердым, но проваливается под ногой, увлекая в бездонную топь. К этому аромату теперь добавилось надоедливое жужжание мошкары, которая лезла в глаза и уши, да громкое кваканье невидимых в мутной воде тварей. Колеса повозки то и дело вязли в грязи, и тогда тишину нарушало их чавканье и недовольное фырканье лошадей. Я вспомнил, как мы с Лорном проезжали через топи, как столкнулись с чудовищем...

На обед мы остановились у старой таверны, одиноко стоявшей на перекрестке. Вывеска с изображением щербатого кувшина так выцвела, что ее едва можно было разглядеть. Хаан остановил повозку у коновязи. Мы спешили. Пока Торм и Веик привязывали лошадей, я огляделся. Место было унылым и заброшенным. Краска на стенах таверны облупилась, а из-под крыши торчали пучки гнилой соломы.

Тусклый свет едва пробивался сквозь дух кисловатой затхлости. Кроме нас в зале сидело всего двое посетителей, которые тут же замолчали и уставились на нас.

Хозяин, сутулый мужчина с бегающими глазками, принес нам похлебку и хлеб. Не успели мы приняться за еду, как те двое подошли к нашему столу. Один из них, щуплый тип с хитрыми глазками, держал в руках три деревянных наперстка и маленький шарик из хлебного мякиша.

Я мысленно усмехнулся. Этот трюк был старше, чем грязь под ногтями этого шулера. Я видел десятки таких на рынках Велграда. У этого руки двигались слишком медленно, а взгляд был слишком жадным. Я уже приготовился наблюдать, как Веик, с его простодушным любопытством, попадет на эту удочку.

— Доброго дня, уважаемые! — сказал щуплый с маслянистой улыбкой. — Не хотите ли удачу проверить? Просто так, на интерес.

Веик действительно оживился.

— А почему бы и нет? Если отец разрешит... — он вопросительно глянул на Хаана.

Старик оторвался от своей миски. Его взгляд был холоднее болотной воды.

— Я не верю в удачу, когда дело касается проходимцев, — проскрипел он. — Знаем мы такие игры «на интерес». Сначала шарик покатаете, а потом разденете до нитки. А ну, брысь отсюда.

Наперсточники переглянулись, их улыбки мигом сползли с лиц.

— Да мы ж ничего... — пробормотал один.

— Брысь, я сказал, — повторил Хаан, и в его голосе прозвучал металл.

Эти двое, не говоря больше ни слова, поспешно ретировались из таверны.

— Торм, — тут же тихо сказал Хаан, не глядя на спутника. — Проследи, чтобы эти двое не крутились у нашей повозки.

Торм молча кивнул, встал из-за стола и вышел на улицу. Через минуту он вернулся.

— Ускакали на запад. Лошади у них были привязаны за таверной.

Хаан удовлетворенно хмыкнул. Только после этого хозяин, который с интересом наблюдал за сценой, подошел ближе.

— Путники, — спросил он, протирая стол грязной тряпкой. — Далеко ли?

— В крепость, — ответил Хаан.

Хозяин хмыкнул.

— Нашу дорогу мало кто выбирает. Говорят, проклятые совсем обнаглели.

— Проклятые? — переспросил Торм.

— Ну, эти... которые болотным богам своим поклоняются. Раньше они тихо сидели в своих топях, а теперь выползают. Жертвы приносят. Некоторые думают, что это они и призвали тварь, чтобы она людей для них таскала.

Мы доели молча. Рассказ трактирщика лишил меня остатков аппетита. Теперь картина становилась еще ужаснее: не просто монстр, а монстр, которому служат люди.

К вечеру дорога вывела нас на холм, и я увидел ее. Крепость. Она не просто стояла на скале — она казалась гигантским черным клыком, впившимся в небо. В сгущающихся сумерках, которые для моих глаз оставались лишь серым туманом, я видел это место пугающе ясно. Мой взгляд скользил по влажному камню, замечая потеки черной плесени, похожие на застывшие слезы, и то, как в одной из верхних бойниц мелькнуло что-то бледное и длинное, напоминающее иссохшую руку. Стены из блестящего камня казались не построенными, а проросшими прямо из трясины. Высокие, слепые башни без флагов и знамен смотрели на мир узкими щелями, как глаза хищной рыбы. Вокруг на многие версты простирались топи, подернутые туманом, из которых торчали скелеты мертвых деревьев. От этого места веяло такой древней и глухой тоской, что у меня свело живот. Это было не убежище. Это была гробница.

Хаан остановил повозку. Он долго, не мигая, смотрел на крепость, и его лицо было похоже на маску смерти. Я украдкой взглянул на Торма и Веика. Их лица, обычно непроницаемые, стали жесткими. В их глазах не было страха, лишь мрачная, холодная решимость.

— Будьте начеку. Если что-то пойдет не так, вы знаете, что делать, — тихо, но властно произнес он. Торм и Веик коротко кивнули.

Старик тронул поводья, и мы медленно поехали к единственным воротам. Подъехав, Хаан слез с повозки. Торм и Веик спешили тоже, встав позади него. Старик подошел к тяжелой дубовой створке и трижды громко ударил в нее костлявым кулаком.

— Эй, есть кто живой! — прокричал он своим дребезжащим голосом. — Пустите мирных путников переночевать! Старика с сыновьями и внуком! До утра!

Глава 3 — Ловушка

Стук кулака Хаана гулко разнесся в вечерней тишине. Несколько долгих мгновений не было никакого ответа, только выл ветер, проносясь над топиями. Я уже подумал, что крепость необитаема, как вдруг в воротах открылось маленькое окошко, и на нас уставилась пара подзрительных глаз.

— Кого принесло? — раздался грубый голос.

— Мирные путники, — повторил Хаан. — Старик с сыновьями и внуком. Просимся переночевать до утра. Заплатим.

— Откуда путь держите? — не унимался стражник.

— Из Вязеля. Едем в столицу, — соврал Хаан, не моргнув глазом.

— Дорога ночью закрыта, всякий это знает, — в голосе стражника послышалось подозрение.

В голосе старика прорезались стальные нотки.

— Мой внук к лекарю едет. Болен. Откроешь ворота, или нам тут, под стенами, замерзать?

— Жди, спрошу.

Окошко захлопнулось. Мы остались стоять в сумерках под высокими стенами, отданные на милость холодного ветра. Время тянулось мучительно долго. Минута сменяла минуту, а за воротами царила тишина. Я видел, как напрягся Торм, его рука не отрывалась от рукояти меча. Хаан же стоял неподвижно, глядя прямо перед собой. Наконец, когда я уже отчаялся, за воротами послышался лязг металла и тяжелый скрежет отодвигаемого засова.

Одна из створок массивных ворот медленно приоткрылась, ровно настолько, чтобы мы могли проехать. Над воротами я разглядел высеченный в камне символ — сжатый кулак, пронзенный мечом. Знак какого-то ордена, который я раньше не видел.

Мы въехали внутрь. За нами с тяжелым грохотом закрылись ворота, отрезая нас от внешнего мира. Я ожидал увидеть тихий, пустой двор, но вместо этого мы оказались в сердце бурлящего военного улья. Пространство было огромным, но не мощеным — лишь плотно утоптанная, влажная грязь, пахнувшая сыростью и навозом. Повсюду горели костры, вокруг которых сидели солдаты. Вдоль стен тянулись грубо сколоченные навесы, под которыми сушилась чья-то одежда и стояли стойки, полные мечей, копий, топоров. В стороне виднелись большие, добротные конюшни, откуда доносилось лошадиное ржание.

Это была не просто крепость. Это была живая, дышащая цитадель, дом для целой армии. Вдоль одной стены тянулись длинные приземистые казармы из темного дерева. Напротив них стояло высокое каменное здание — видимо, покои офицеров или зал для собраний. У дальней стены я заметил кузницу, где молот звонко бил по наковальне, рассыпая вокруг снопы искр.

Солдаты были повсюду. На стенах над нами я насчитал не меньше дюжины арбалетчиков. Мой взгляд замечал детали, скрытые от остальных: я видел, как один из стрелков на стене напряженно вглядывается в туманную мглу болот за зубцами, а другой нервно перебирает пальцами болты в колчане. Внизу, у костров, я видел следы изнурительных тренировок — глубокие вмятины на учебных клинках и горы свежих щепок у разбитых в щепки манекенов. Даже в этом хаосе чувствовался жесткий порядок. Они не были похожи на городскую стражу. Их движения были отточенными, а взгляды — холодными и оценивающими. На всех была практичная броня: кольчуги поверх кожаных курток, усиленные стальными пластинами на груди и плечах. Цвета чистого, смертоносного металла. Символ Железного Кулака был выбит на каждой нагрудной пластине.

Это была не банда разбойников и не захудалый гарнизон. Это был орден. Дисциплинированный, хорошо вооруженный и, очевидно, готовый к войне.

Нас встретил высокий мужчина, вышедший из каменного здания. Его доспехи блестели даже в свете костров, а на груди красовался тот же символ, но отделанный серебром.

— Я капитан Арнок, — произнес он, его голос был твердым и не выражал никаких эмоций. — За стенами цитадели небезопасно, вам может грозить быть съеденными.

Эта фраза прозвучала как издевательская вежливость. Арнок указал на темный угол двора, рядом с конюшнями.

— Поставите повозку там и распрягайте. Вам покажут, где разместиться на ночь. Пускай орден Железного Кулака не упрекают в отсутствии гостеприимства.

Мы молча подчинились. Пока Торм и Веик расседывали уставших лошадей, я стоял рядом, не сводя глаз с капитана. Один из стражников уже ждал нас, чтобы сопроводить в гостевые покои.

Нас провели через двор, вверх по узкой каменной лестнице в одну из башен. «Гостевая келья» оказалась крохотной комнаткой с одним зарешеченным окном под потолком. В ней не было ничего, кроме трех грубых деревянных лежаков и ведра в углу. На двери была небольшая деревянная защелка, которую Хаан сразу же закрыл.

Через некоторое время стражник принес нам ужин. Это была неожиданно сытная, густая похлебка с кусками жесткого, но съедобного мяса и большая краюха черствого хлеба. Мы молча съели все. Торм и Веик легли на лежаки, положив мечи рядом с собой. Хаан же остался сидеть, прислонившись спиной к стене и закрыв глаза. Я лежал, вслушиваясь в звуки крепости. Шум во дворе постепенно стихал. Я слышал зычные голоса, отдававшие команды, и как солдаты расходились по казармам. Лязг оружия сменился редкими разговорами, а затем и вовсе наступила напряженная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием догорающих костров. Несмотря на усталость, сон не шел. Каждый шорох за дверью заставлял вздрагивать. Но в конце концов изнеможение взяло свое, и я провалился в тяжелое, беспокойное забытие.

Проснулся я от какого-то звука. В полной тишине раздался едва слышный стук в дверь — три коротких, быстрых удара.

Хаан замер у двери, прислушиваясь.

— Кто? — прошептал он так тихо, что я едва расслышал.

С той стороны донесся такой же тихий, хриплый шепот:

— Вас ждали. Убирайтесь отсюда. Немедленно.

Сердце у меня ухнуло куда-то вниз. Хаан мгновенно разбудил Торма и Веика. Они вскочили без единого звука, уже держа в руках мечи.

— Веик, — коротко приказал Хаан. — Ты знаешь, что делать. Иди.

Веик кивнул. Он выбежал в темный коридор и бесшумно скрылся в ночной темноте.

— А мы? — прошептал Торм.

— Мы идем за лошадьми, — ответил Хаан.

Он осторожно приоткрыл нашу дверь. Коридор был пуст и тих. Хаан выскользнул первым, за ним беззвучно последовал Торм, а я замыкал шествие, стараясь не дышать. Мы двинулись по узкому коридору, стены которого были сложены из грубых, холодных на ощупь камней. Единственным источником света были редкие факелы, отбрасывавшие на пол наши длинные, пляшущие тени.

За одним из поворотов мы услышали приближающиеся шаги и гулкий голос. Хаан тут же втолкнул нас в темную нишу за гобеленом, изображавшим древнюю битву. Мимо прошел патруль — двое воинов в кольчугах, с арбалетами за спиной. Свет от их факела на мгновение осветил наши замершие лица, но они прошли мимо, ничего не заметив. Я почувствовал, как громко колотится мое сердце.

Мы продолжили спуск. Крепость внутри оказалась совсем не такой мертвой, как показалось сначала. Из-за некоторых прикрытых дверей доносились звуки: где-то звенела лютня и слышался смех, из-под другой двери тянуло запахом жареного мяса. Эти люди жили своей жизнью, даже не подозревая, что по их коридорам крадутся беглецы.

Наконец мы спустились на первый этаж и оказались перед тяжелой дверью, ведущей во двор. Хаан осторожно приоткрыл ее и выглянул наружу. Двор был пуст и тих. Костры, что горели здесь еще несколько часов назад, теперь лишь лениво тлели, отбрасывая на утоптанную землю багровые отсветы. В холодном лунном свете это место казалось кладбищем наших надежд. Ни души, ни звука, кроме воя ветра на стенах.

«У нас получится», — мелькнула в моей голове отчаянная мысль. Надежда вспыхнула яркой искрой.

Мы тихо вышли во двор и направились к нашей повозке, застывшей темной громадой в углу. Мы прошли уже половину пути, когда со всех сторон вспыхнули факелы, вырывая нас из спасительной темноты. Двери казарм распахнулись, и из них хлынули воины, отрезая нам путь к отступлению.

Их было не меньше двадцати, закованных в блестящую сталь с головы до ног. В свете факелов их доспехи слепили глаза. В руках они держали тяжелые двуручные мечи и алебарды, а у нескольких за спиной я увидел арбалеты. Нас окружили плотным, безмолвным кольцом. Капитан Арнок вышел вперед, его лицо не выражало никаких чувств.

— Решили прогуляться? Лучше сдавайтесь.

Торм встал передо мной, выставив меч. Хаан положил ему руку на плечо. Он оглядел стальное кольцо, которое сжималось вокруг нас, и его лицо было абсолютно без эмоций. Он посмотрел прямо в глаза капитану и произнес своим дребезжащим голосом:

— Так тому и быть.

В его голосе не было ни страха, ни отчаяния. Лишь ледяное спокойствие, которое пугало меня больше, чем все мечи, направленные на нас.

Глава 4 — Кровавая схватка

Слова Хаана «Так тому и быть» на жуткое мгновение повисли в воздухе. В них не было покорности. В них была точка. Сигнал.

Торм, стоявший передо мной, не издал ни крика, ни боевого клича. Он просто взорвался движением. Его меч, до этого чуть опущенный, молнией взлетел вверх, отбивая удар ближайшего воина с алебардой. Это был огромный детина с густой рыжей бородой и безумным блеском в глазах, он что-то горланил, размахивая своим оружием. Раздался оглушительный скрежет стали о сталь. Одновременно Торм сделал шаг в сторону, уходя с линии атаки другого солдата, и его собственный клинок по дуге врезался в щель между шлемом и нагрудником рыжебородого. Я услышал короткий, булькающий хрип, и в нос ударил густой, медный запах крови. Воин рухнул на землю, как мешок с костями.

Все произошло так быстро, что я едва успел моргнуть, но для меня время вдруг растянулось, превратившись в вязкую, тягучую трясиину. Кольцо солдат на миг дрогнуло, но тут же сомкнулось снова, и бой превратился в хаотичный водоворот стали и криков. Торм был один против двадцати. Он двигался с невероятной, звериной грацией, его меч не танцевал — он работал. Парировал удар, направленный в голову, и тут же, не теряя движения, наносил ответный колющий выпад. Он ударил плечом в щит одного из воинов, выигрывая себе мгновение, чтобы уклониться от меча, нацеленного ему в бок.

Я стоял, парализованный ужасом, и мой мозг отказывался принимать реальность. «Беги», — кричал внутренний голос. — «Прячься! Сделай хоть что-нибудь!» Но ноги словно вросли в землю. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая все остальные звуки, кроме лязга металла. Я видел вспышки стали в свете факелов, слышал тяжелое, хриплое дыхание бойцов и сухие, резкие команды капитана Арнока.

Торм был как волк, угодивший в стаю собак — яростный, смертоносный, но обреченный. Я видел, как его клинок оставил глубокую царапину на кирасе одного солдата, заставив того отшатнуться. Но я видел и цену. Край щита врезался ему в бок, заставив на миг согнуться. Меч одного из воинов скользнул по его предплечью, оставляя за собой мокрый, темный след. Он начал двигаться медленнее, его дыхание стало прерывистым.

Но силы были слишком неравны. Один из солдат, зайдя сбоку, ударил Торма в спину тяжелым наконечником меча. Торм пошатнулся, его защита на мгновение ослабла, и в этот момент сразу два клинка пробили его грудь. Он замер на секунду, его глаза расширились от удивления. А затем из его рта хлынула кровь, и он тяжело осел на землю.

Во дворе снова воцарилась тишина. Солдаты с опаской смотрели на тело Торма, не решаясь подойти. Вперед вышел капитан Арнок. Он брезгливо пнул ногой одного из своих раненых, приказывая унести его, и посмотрел на нас. Вернее, на меня.

— Теперь все кончено, мальчик, — сказал он неожиданно мягким, ободряющим тоном. — Ты в безопасности.

Я оцепенел, пытаюсь понять смысл его слов. Помочь? Мне? Они только что убили Торма, который защищал меня! Я посмотрел на Хаана. Старик стоял неподвижно, не глядя ни на тело Торма, ни на солдат. Он смотрел прямо на меня, и в его глазах не было ничего, кроме ледяного спокойствия.

— Этот старик забрал тебя силой? — продолжал Арнок, делая шаг ко мне. — Он держит тебя в страхе? Не бойся, кивни, если это так. Мы — орден Железного Кулака. Мы защищаем невинных.

В моей голове все смешалось. Страх перед Хааном боролся с ужасом от произошедшего. Эти воины... они действительно думали, что спасают меня? От Хаана? Не зная, что делать, я инстинктивно сделал шаг назад, потом еще один. Я пятился от старика, от тела Торма, пока не уперся спиной в стальную броню ног одного из воинов. Я оказался за их кольцом, под их защитой.

— Вот и хорошо, — с удовлетворением сказал Арнок. Он повернулся к Хаану. — А ты, старый похититель, сейчас нам все расскажешь. Твое сопротивление бесполезно.

Хаан медленно перевел взгляд с меня на капитана. И впервые за все время я увидел, как уголки его губ дрогнули в подобии улыбки.

— Бесполезно? — проскрипел он.

А в следующее мгновение он просто исчез.

Это не было преувеличением. Он не шагнул, не прыгнул. Секунду назад он стоял на месте, а в следующую уже оказался вплотную к ближайшему солдату, тому самому, что ранил Торма в бедро. В руке старика блеснул короткий, узкий нож, который появился будто из воздуха. Первое движение — неуправляемое, как взмах крыла мотылька, — и нож вошел под подбо-

родок воина, пробив шлем. Второе движение — и клинок уже впился в глазную щель другого солдата, который даже не успел поднять меч.

Два стоящих рядом друг с другом воина в тяжелых латах упали замертво, даже не вскрикнув, тем самым создавая брешь в кольце окружения. И тогда уверенность солдат Железного Кулака рассыпалась в прах. Их профессиональная слаженность исчезла, сменившись первобытным ужасом. Они видели, как Хаан двигался между ними, как призрачная, смертоносная тень. Его нож мелькал, находя уязвимые места в броне: шею, подмышки, щели в доспехах. Он не махал им, он просто касался, и от этих касаний закованные в сталь воины падали один за другим. Это был не бой. Это была бойня.

Строй сломался. Один из солдат, бросив меч, попытался убежать, но споткнулся о тело товарища и упал. Другой, замахнувшись для удара, замер с искаженным от ужаса лицом, когда нож Хаана вошел ему в бок под ребром. Солдаты пятились, натывая друг на друга, их глаза были полны не ярости, а животного страха. Они больше не были отрядом.

— Застрелите его! — в панике закричал капитан Арнок, отступая назад. Он поднес к губам серебряный свисток, и резкая, пронзительная трель прорезала шум боя. — Лучники, арбалетчики, на стены! Всем огонь по нему!

По этому сигналу двери казарм распахнулись, и оттуда хлынул поток воинов. Зубцы стен над нами мгновенно заполнились людьми с арбалетами. Десятки наконечников были нацелены на одну-единственную фигуру в центре двора.

Со стен сорвался целый ливень арбалетных болтов. Один ударил Хаана в плечо, другой — в бок. Он пошатнулся, но устоял на ногах, выдернув нож из горла очередного солдата. Еще один залп, еще более плотный. Три болта вонзились ему в грудь.

Старик замер. Он медленно повернул голову и посмотрел прямо на меня. В его глазах не было ни боли, ни ярости. Только холодное, бездонное разочарование. Затем его колени подогнулись, и он тяжело рухнул на камни двора. Мой взгляд, словно против моей воли, выхватил мельчайшие подробности: зазубренные наконечники болтов, глубоко ушедшие в его плоть, и то, как его кровь, густая и почти черная, медленно заполняет выбоины в камнях, выставляя напоказ весь мусор и дорожную пыль, скопившуюся там годами.

Глава 5 — Бессмертный

Мертвая тишина, наступившая после падения Хаана, была тяжелее и страшнее, чем грохот боя. А потом она начала распадаться, уступая место стонам раненых и нервному лязгу опускаемого оружия. В воздухе смешались запахи пота, горячей крови и озона после вспышки ярости. Я стоял, прижавшись к какому-то воину, и смотрел на неподвижное тело старика на камнях.

Напряжение во дворе медленно спадало. Солдаты прятали в ножны мечи, кто-то нервно смеялся, кто-то тяжело дышал, опираясь на алебарду. Капитан Арнок, бледный, но уже пришедший в себя, выпрямился, пытаясь вернуть своему голосу властные нотки.

— Убрать тела! — скомандовал он. — Раненых — в лазарет! Обыскать этого... — он кивнул на тело Торма, — ...и старика. Все, что найдете, несите командору.

Двое солдат с опаской направились к телу Хаана. Но я не мог оторвать от него взгляда. Что-то было не так. Несмотря на стрелы, торчащие из груди, и лужу крови, в его фигуре не было смертной неподвижности. Это было не тело. Это была свернувшаяся пружина.

В моей голове лихорадочно забились мысли. Слова старика, сказанные мне в келье. «Я сказал ей, что не хочу умирать». Бессмертие. Релвина² сделала его бессмертным. Я не думаю, что он врал о своем возрасте. А значит, он вряд ли умер. И если он очнется... что он сделает со мной? Ледяной страх перед будущей местью оказался сильнее ужаса от вида крови. Эти солдаты хотели помочь мне. Им я хотел верить больше, чем существу, лежавшему на земле. Мне нужно было принять решение. И я его принял.

— ОН ЖИВ! — закричал я что было сил, мой голос сорвался на визг.

Несколько воинов обернулись, на их лицах было раздражение и насмешка.

— У мальчишки от страха ум за разум зашел, — бросил один из них.

— Дайте ему воды, — сказал другой.

— ДА НЕТ ЖЕ! ОН ЖИВ! НЕ ПОДХОДИТЕ К НЕМУ! — снова закричал я.

Некоторые все же замерли, их взгляды с тревогой метнулись к телу старика. И в этот момент, в наступившей тишине, Хаан открыл глаза. Мой взгляд первым уловил это движение: я видел, как его зрачки мгновенно расширились, превратившись в два бездонных колодца, поглотивших скудный свет факелов. В их глубине не было ничего живого — только черная, холодная пустота. Затем он медленно, с противоестественной, дерганой плавностью, начал подниматься. Арбалетные болты в его груди скрипели, мышцы перекачивались под кожей, словно под пергаментом зашевелились живые змеи, но он вставал, словно не замечая их. Это было не пробуждение — это было возвращение к жизни механизма, не знающего боли.

— Бессмертные... — прошептал кто-то из солдат с суеверным ужасом. — Легенды не врили...

² **Релвина** — Забытая богиня снов, тумана, утрат. Символ: чаша с каплей или туман. Черты: тихая, печальная, одна из немногих забытых, чье влияние чувствуется до сих пор.

Паника, до этого подавленная, вспыхнула с новой, неконтролируемой силой. Двор превратился в котел ужаса. Солдаты отступали, спотыкаясь и роняя оружие. Я видел, как у одного солдата отвисла челюсть, другой, молодой парень с едва пробивающимися усами, просто закрыл лицо руками, а третий начал бормотать молитву, глядя на Хаана немигающими глазами. В этом хаосе я инстинктивно метнулся в сторону, вжавшись в узкую, глубокую нишу между каменной кладкой и деревянной пристройкой конюшни. Тень поглотила меня мгновенно, и пока солдаты проносились мимо, крича и толкаясь, никто не замечал забившегося в угол мальчишку — для них я стал просто частью холодной стены. Послышался сухой стук брошенных щитов о камни, панические вскрики и бессвязные проклятия. Капитан Арнок что-то кричал, но его голос, тонкий от страха, потонул в общем хаосе. Строй распался — это была уже не армия, а обезумевшая толпа, в которой каждый пытался спастись, отталкивая соседа, лишь бы оказаться подальше от восставшего мертвеца.

Хаан встал в полный рост. Он посмотрел на свои раны, затем схватил пальцами ближайший болт и легко вырвал его из своего тела. Кровь хлынула сильнее, но он даже не поморщился. Он бросил болт на землю двора и повернул голову ко мне.

— Не мог дожидаться, пока мой «труп» выбросят за стену? — прошипел он, и в его голосе клокотала ледяная ярость.

Он шагнул к ближайшему солдату. Тот в ужасе замахнулся мечом, но Хаан просто отбил удар предплечьем, будто это была палка, и вонзил свой нож ему в горло. Солдат рухнул, захлебываясь кровью.

Другой воин, более храбрый или более глупый, попытался остановить его, выставив вперед щит. Хаан не стал его обходить. Он врезался в щит плечом с такой силой, что послышался хруст дерева. Воин отлетел назад, а Хаан, не сбавляя шага, перерезал горло третьему, который ошеломленно смотрел на это проявление нечеловеческой мощи.

Двое солдат с алебардами попытались атаковать его одновременно, держа на расстоянии. Хаан пригнулся, проскальзывая под их смертоносными лезвиями, и, оказавшись между ними, нанес два быстрых, почти незаметных удара ножом в незащищенные подмышки. Оба воина замерли, выронили оружие и рухнули на землю.

И в этот момент, когда ужас грозил окончательно поглотить всех, раздался новый голос. Громкий, ясный и полный несокрушимой уверенности.

— Отступить — по отделениям! В цепь! В цепь становись! Щиты — встык! Держать строй! Прикрой соседа!

Команды привели солдат в чувство. Они, цепляясь за знакомые слова, как утопающий за соломинку, начали отступать — не убежать, а слаженно отходить, формируя линию. Вперед вышли воины с тяжелыми щитами. С лязгом и скрежетом они встали плечом к плечу, и через мгновение двор перегородила сплошная стена щитов, из-за которой торчали наконецники копий и алебард.

За этой стеной я разглядел того, кто отдавал команды. Это был невысокий, коренастый офицер. Его доспех, в отличие от практичной стали Арнока, был отделан черненым серебром и украшен искусной гравировкой. Он стоял абсолютно спокойно, будто наблюдал за учениями.

Хаан, не колеблясь, бросился к стене щитов, метя точно в то место, за которым стоял офицер. С нечеловеческой силой он ухватился за верхний край одного из щитов и рванул его на себя. Воин, державший щит, с криком опрокинулся вперед, вываливаясь из строя и падая прямо на подставленный нож старика. Он захрипел и задержался, захлебываясь собственной кровью. В стене образовалась брешь.

Но офицер, казалось, не испугался внезапной близости убийцы. Он лишь сделал короткий шаг в сторону, уходя с линии атаки, и холодно, без тени эмоций, повторил команду:

— Сомкнуть!

Соседние воины тут же сомкнули ряды, закрывая пролом своими щитами. Одна из алебард все же зацепила Хаана, оставив на плече глубокую резаную рану, но он, казалось, даже не почувствовал боли. Он издал яростный рев — звук, в котором не было ничего человеческого, — и с удвоенной силой набросился на стену. Он больше не искал брешь. Он просто бился о нее, как дикий зверь. Под его ударами трещали доски, щиты прогибались, и солдаты, упираясь ногами в землю, с трудом удерживали строй.

Я смотрел на это, и ледяное осознание начало проникать в мой разум. Там, у стены, столкнулись две нечеловеческие силы. Одна — первобытная, слепая ярость, воплощенная в одном бессмертном существе. Другая — холодная, бездушная, эффективная машина, собранная из людей волей одного офицера. Я видел, как спокойно и отстраненно тот командовал, как солдаты, потеряв собственное я, превратились в единый механизм из стали и дерева. Рядом с командиром, как тень, стоял капитан Арнок, его лицо было бледным, а рука сжимала эфес меча так, что побелели костяшки. Он молчал. Вся его бывшая власть теперь принадлежала этому невысокому офицеру.

Стена щитов держалась. И тот же уверенный голос прогремел над двором:
— Баллисты — к бою! Зарядить!..

По этому приказу на стенах крепости началось лихорадочное движение. Арбалетчики, бросив свои арбалеты, кинулись к нескольким огромным, бесформенным силуэтам, укрытым серой тканью. Они сдернули полотнища, и под ними показались громадные деревянные механизмы, увенчанные стальными дугами — боевые машины. Солдаты с натугой начали разворачивать их, направляя во двор, и со скрипом крутить ворота, натягивая толстые, как канат, тетивы.

Баллисты. Осадные орудия. Я никогда не видел такие ранее. Оружие, скорее всего, способное пробивать крепостные ворота. И сейчас его наводили на одного-единственного старика. Неужели они собираются выстрелить сюда, во двор, рискуя задеть своих? Ответ пришел сам собой: да. Командор без колебаний пожертвует несколькими солдатами, чтобы уничтожить главную угрозу. И глядя на то, как Хаан в очередной раз ударил в стену щитов, отбрасывая одного из воинов, я понял, что, возможно, даже этого будет недостаточно.

Глава 6 — Древняя казнь

Команда офицера прозвучала не громче, чем его предыдущие приказы, но в ней была окончательность смертного приговора.

— Выпускай по расчёту!

Раздался сухой, громкий щелчок, похожий на треск ломающегося дерева, а затем низкий, вибрирующий гул, от которого, казалось, задрожала земля под ногами. Воздух прорезал хищный свист.

Сверху, из темноты, вырвались два черных росчерка. Они неслись с огромной скоростью, и я успел лишь заметить, что это не болты, а короткие, тяжелые копья из черненого железа. Одно из них с глухим, тяжелым ударом вошло в утопанную землю двора в шаге от стены щитов, взметнув фонтанчик грязи и оставив глубокую дыру.

Но второе нашло свою цель.

Оно ударило Хаана в ногу, пригвоздив ее к земле. Нечеловеческий рёв старика потонул в грохоте удара. Он рухнул на одно колено, но даже так продолжал бороться, пытаясь вырвать копье, на которое теперь была насажена его плоть. И в этот момент сверху раздался третий щелчок.

Третье копье вошло ему точно в середину груди с таким глухим, мокрым звуком, который я не забуду никогда. Сила удара была такова, что старика отбросило на спину, и наконецник копья, пробив тело, вошел в землю под ним. Хаан был распят. Но он был жив. Его свободная рука все еще судорожно сжимала нож, и он слабо махал ей, пытаясь достать невидимого врага.

Во дворе воцарилась мертвая тишина. Солдаты за стеной щитов стояли без движения, их лица под шлемами были масками ужаса и изумления. Они смотрели не на своего командира, а на распятое, но все еще живое существо.

— Расступись, — спокойно приказал невысокий офицер.

Стена щитов перед ним заколебалась и распалась. Командир шагнул вперед. Затем он обернулся и протянул руку по направлению к одному из солдат. Воин, стоявший за ним, с поклоном вложил в его ладонь рукоять огромного двуручного меча. Командир медленно обнажил его. Клинок был из темной стали, без единого украшения. Оружие палача.

Он подошел к дергающемуся телу Хаана и поднял меч.

— По воле Ордена Железного Кулака, ты, нелюдь и искажение, что дышит среди людей, признан врагом мира. За скверну, что несешь, за кровь, что пролил, и за саму суть твоего бытия — ты приговариваешься к Очищению, — произнес он холодно, словно повторяя заученные слова.

— ОН ВСЕ РАВНО ВОСКРЕСНЕТ! — закричал я, сам не зная, кого пытаюсь предупредить.

Офицер даже не повернул головы. Меч со свистом опустился вниз. Голова Хаана откатилась в сторону, но даже после этого его рука продолжала скрести по земле.

Воины больше не смеялись над моими словами. Они лишь с ужасом переглядывались.

Командир не остановился. С методичной жестокостью он снова и снова опускал меч. Он отрубил сначала руку с ножом, потом другую. Затем — обе ноги. Двор превратился в кровавую баню, густая кровь смешивалась с грязью. Темная сталь меча стала багровой.

— Разложить по разным ящикам, — бросил он через плечо. — Голову, кисти рук и ступни. Заколотить и опечатать.

Солдаты бросились выполнять приказ, стараясь не смотреть на то, что осталось от человека.

— Туловище бросьте свиньям, — добавил офицер. Затем, после короткого раздумья, поправил себя: — Нет. Сожгите. До пепла.

— Капитан, — Веймар повернулся к Арноку. — Ящик с головой этого существа отправить лично королю. Срочным курьером. Приложите мое письмо: пусть знают, что эта тварь смертельно опасна, даже если кажется мертвой.

Арнок замер, на его лице отразилось явное непонимание.

— Но, Командор... слать такое Его Величеству...

— Король не раз заявлял, что наше присутствие здесь бессмысленно, — отрезал Веймар, вытирая меч о плащ мертвого Торма. — Что древних тварей больше нет, а мы лишь зря проедаем его казну. Что ж, пускай посмотрит своими глазами, что до сих пор обитает за стенами его уютного дворца. А сейчас — доложить обстановку.

— С-слушаюсь, Командор, — запинаясь, начал Арнок. — Трое нападавших, которых мы ждали. Двое мертвы. Третий... — он запнулся, — ...третий бежал. Арбалетчик на южной башне клянется, что попал в него, когда тот прыгал в болото прямо со стены. Я уже отправил погоню...

— Отозвать, — прервал его Командор. — Ночью в болотах вы только потеряете людей. Найти труп можно и утром.

Он убрал меч в ножны и только теперь посмотрел на меня. И я впервые смог его рассмотреть как следует.

Он был невысок, но крепко сбит. В полумраке двора, где факелы лишь подчеркивали глубину теней, я видел его так ясно, словно стоял в полдень на рыночной площади. Из-под края его стального шлема выбивались коротко стриженные, абсолютно седые волосы, что резко контрастировало с его лицом — не старым, но жестким, с резкими чертами и плотно сжатыми губами. Я видел мельчайшие зазубрины на гарде его меча, каждую чешуйку седины на его висках и странный, почти прозрачный блеск его глаз, в которых не отражалось ни капли сочувствия. Его доспехи из черного серебра были покрыты не узорами, а сетью старых царапин и вмятин — следами бесчисленных битв. На груди была выгравирована единственная эмблема — сжатый железный кулак, символ его Ордена. Его двуручный меч, который он только что убрал в простые кожаные ножны, был оружием без изысков — лишь полоса темной стали и обмотанная кожей рукоять. Все в его облике говорило о практичности и смертоносной эффективности.

Его глаза были холодными и пустыми, как зимнее небо. Не серые и не голубые, а какого-то выцветшего, почти бесцветного оттенка.

— Как тебя зовут? — спросил он. Его голос не был ни добрым, ни злым. Он просто констатировал факт моего существования.

Я сглотнул, не в силах выдавить ни слова.

— Меня зовут Командор Веймар, — представился он. — Я задал тебе вопрос, мальчик. Но ответа он, казалось, не ждал. Он отвернулся и кивнул одному из стражников.

— Позаботьтесь о нем. Разместите его. Накормите. Допросим позже.

Затем его голос снова окреп, обращаясь ко всем.

— Окурить двор! Хочу, чтобы к рассвету здесь не осталось и следа этой скверны!

Приказ начали выполнять немедленно. Солдаты принесли тяжелые бронзовые курильницы на цепях. Внутри тлели угли, на которые они бросали какие-то сушеные травы. Вскоре двор наполнился густым, горьким и терпким дымом, который стелился по земле, изгоняя запах крови.

Стражник взял меня за плечо и повел прочь. Мы прошли по коридорам, и я с волнением узнавал дорогу. Дверь со знакомым скрипом отворилась.

Это была та же самая келья.

Тот же запах сырости и прелой соломы. Те же голые стены. Та же узкая полоска света из-под двери. Мрак кельи, который для любого другого стал бы непроницаемым мешком, для моих глаз словно истончился, превращаясь в серую дымку. Я видел каждую ниточку паутины в углу и даже крошечного паука, замершего на стене. Этот дар Релвины не давал мне забыться — я видел свою тюрьму во всех её подробностях. На этот раз лязгнул засов, запирая дверь снаружи, и шаги стражника удалились. Я остался один.

Я добрался до лежанки и рухнул на нее, закрыв лицо руками. Все закончилось там же, где и началось, но теперь все было иначе. Мой отчаянный побег, крики, кровь, смерть Торма, казнь Хаана — это привело меня обратно в эту комнату. Я сбежал от одного чудовища, чтобы оказаться во власти другого.

Я хотел спастись. Я сделал выбор во дворе, закричав, чтобы спасти свою жизнь. И вот результат. Это не было свободой. Это была лишь смена хозяина. Вместо слепой ярости Хаана — холодный, методичный расчет Командора Веймара и его ордена. Я не знал, чего они от меня хотят и была ли эта комната снова тюрьмой или лишь временным убежищем. Глядя в темноту, я впервые за долгое время не чувствовал страха. Только оглушающую, всепоглощающую неизвестность.

Глава 7 — Спасители

Сон был тяжелым, липким, полным обрывков вчерашнего кошмара. Я снова и снова видел, как падает Торм, как оживает Хаан, как холодные, бесцветные глаза Командора смотрят на меня сквозь кровавый туман. Я проснулся от собственного сдавленного вскрика, рывком сев на лежанке. Сердце колотилось о ребра.

Некоторое время я просто сидел, тяжело дыша и пытаюсь унять дрожь. Келья была залита тусклым утренним светом, пробивавшимся сквозь решетку. Запах сырости и прелой соломы. Я был там же, где и начинал. Но угроза, от которой я бежал, миновала. Хаан был мертв, окончательно, без надежды на воскрешение. Я должен был чувствовать облегчение, но вместо него внутри была лишь звенящая пустота и ноющая боль во всем теле от пережитого ужаса.

Лязг отодвигаемого засова заставил меня вздрогнуть. На пороге стоял тот же стражник, что привел меня сюда.

— Командор ждет тебя, — бросил он, не выказывая ни враждебности, ни сочувствия.

Он повел меня по коридорам, и мы вышли во двор. При свете дня крепость выглядела совершенно иначе. Это был уже не адский котел из теней и огня, а слаженный, деловитый военный лагерь. Ночная бойня не прошла бесследно. Несколько солдат с мрачными, сосредоточенными лицами скребли утоптанную землю тяжелыми граблями, собирая в кучи окровавленную солому и деревянные обломки. Другие уже разводили костер, куда без лишних слов бросали этот мусор. У казарм воины чистили оружие, и лязг металла о точильный камень был единственным громким звуком.

Когда мы проходили мимо, разговоры стихали. На меня смотрели. Я видел в этих взглядах разное: холодное любопытство, толику жалости у совсем молодых, но чаще — ничего. Простое признание факта моего существования. Для них я был чужим, случайным свидетелем их кровавой работы, и от этого чувство одиночества становилось почти невыносимым. Двор был присыпан свежим песком, но горький запах дыма от вчерашних курильниц все еще висел в воздухе, смешиваясь с запахом гари.

Меня привели в главное каменное здание и провели по коридору к тяжелой дубовой двери. Стражник распахнул ее и подтолкнул меня внутрь.

Комната показалась мне не кабинетом военачальника, а скорее музеем или святилищем, посвященным одной-единственной теме — охоте на чудовищ. Стены были увешаны трофеями, но это были не головы оленей или кабанов. Со щербатых деревянных щитов на меня взирали черепа тварей, о которых я слышал только в самых дурных сказках: один — огромный, с торчащими из челюсти бивнями, похожий на череп медведя-переростка; другой — узкий, вытянутый, с рядами иглоподобных зубов; третий — почти человеческий, но с неестественно разросшимися клыками.

Под ними на гвоздях висело оружие. Странное, уродливое, явно созданное для убийства нелюдей. Зазубренные топоры, клинки с волнообразными лезвиями, тяжелые моргенштерны³, шипы которых были покрыты пятнами, напоминающими кровь.

На полу у стен стояли потрепанные знамена с выцветшими гербами. На них были изображены животные, птицы, разрывающие людей, кричащие, нападающие. Догадка осенила меня — это были флаги и символы культов и темных братств. Все это было не для хвастовства. Каждый предмет был молчаливым свидетелем жестокого сражения, реликвией войны, которая ведется в тени обычного мира. Это было хранилище побед над злом, и сама атмосфера комнаты давила, пропитанная отголосками чужой боли и ярости.

³ Моргенштерн — оружие, состоящее из деревянного или металлического древка с прикреплённым шаром, усеянным металлическими шипами. Использовался пехотой и рыцарями для пробивания доспехов.

Посреди этого мрачного великолепия за массивным дубовым столом сидел Командор Веймар. Рядом с ним сидели капитан Арнок, чье лицо оставалось непроницаемой маской, и еще двое офицеров в таких же серых доспехах. Их взгляды впились в меня, словно буравчики.

Справа, у стены, я заметил два стула, на которых сидели вчерашние жулики из таверны. Я удивился. Откуда они здесь? Может, их тоже задержали?

Веймар молчал, изучая меня своими бесцветными глазами. Его лицо, лишенное возраста, было совершенно спокойным. Он не выказывал ни злости, ни любопытства. Это было спокойствие человека, для которого смерть и насилие — обыденная работа. Наконец он указал на простой деревянный стул, стоявший перед столом.

— Присядь, мальчик, — сказал Веймар, опустив голову к карте.

Меня пододвинули к стулу. Несколько мгновений все молчали.

— Они, — наконец сказал я, кивнув на наперсточников. — Они проходимцы. Пытались нас надуть в таверне.

Щуплый, тот, что крутил наперстки, развел руками и криво усмехнулся.

— Так и есть.

— Это Гаррет и Морик, мои разведчики, — пояснил Веймар, наконец подняв на меня свои бесцветные глаза. — И лучшие в своем деле. Именно благодаря им мы знали, когда именно вы прибудете. Теперь расскажи нам все. С самого начала.

Я глубоко вздохнул. Вчера я так и не ответил на его вопрос. Сейчас, прежде чем выложить им все, я должен был это сделать.

— Меня зовут Крас, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал твердо.

И я начал рассказывать, тщательно отбирая слова. Я не мог выложить им всю правду. Рассказывать про Гильдию и про то, что меня самого искали как шпиона, было бы самоубийством. Поэтому я солгал. Я рассказал, что остался сиротой, жил у дяди-хозяина гостиницы в Велграде. Что в городе начали твориться страшные вещи, пропадать люди. Что однажды ночью дядю жестоко избили, велев убираться из города. А меня, не зная, что со мной делать, Хаан и его спутники просто забрали с собой. Это была слабая история, но другой у меня не было.

— А потом... — я замялся, — потом, уже здесь, ночью, кто-то предупредил Хаана. Сказал, что его раскрыли и нужно бежать.

— Стоять, — резко прервал меня Командор. Все взгляды в комнате устремились на меня. — Как выглядел человек, который его предупредил?

Я растерялся от такого напора.

— Я не знаю. Я не видел его. Он шептал через дверь.

Офицеры за столом переглянулись. Разведчики у стены напряглись, их расслабленные позы мигом исчезли.

— Говорил ли Хаан что-нибудь об этом человеке? — голос Веймара стал тихим и опасным. — Кто это мог быть?

— Он только сказал, что мы должны были встретиться здесь с «заказчиком», — прошептал я.

В комнате замолчали. Тишина стала такой плотной, что, казалось, ее можно потрогать. Веймар медленно перевел взгляд с меня на своих офицеров, и в его бесцветных глазах я увидел холодную ярость.

— Зачем я им был нужен, я не знаю, — закончил я, чтобы нарушить молчание. — Может, для какого-то кровавого ритуала. Хаан говорил, что везет меня в столицу.

— Мы напишем лорду. Он будет рад узнать, что город избавлен от этой угрозы, — произнес один из офицеров, хотя его слова прозвучали уже не так уверенно.

При этих словах я замер.

— В чем дело? — спросил Веймар, заметив мою реакцию.

— Не надо... — прошептал я. — Хаан сказал мне... что именно лорд его и нанял. В комнате повисла тишина. Офицеры переглянулись. Капитан Арнок нахмурился.

— Это многое объясняет, — тихо сказал Веймар. — Значит, зараза пробралась глубже, чем мы думали. Не волнуйся, мальчик. Никаких писем лорду не будет. И еще одно. Второй спутник, что был с вами, похоже, был только ранен и сумел скрыться в суматохе. Не думаю, что он теперь сунется к тебе, но мир жесток и непредсказуем.

Мое сердце ухнуло. Второй выжил. Веик. Если он вернется к тем, кто их нанял — будь то гильдия убийц или кто похуже — и расскажет обо мне, меня могут искать. Не как шпиона, а как свидетеля. Живого свидетеля их дел. Слова Веймара о том, что он «не сунется», прозвучали слабым утешением.

— Но... как вы узнали о нас? — спросил я.

— Нас предупредил стражник из Велграда. Его зовут вроде бы Горан, — ответил Арнок.

Горан. Я вспомнил его лицо, его помощь гильдии воров, его взгляд, брошенный на меня, лежащего связанным в повозке... Но как?

— Он не мог...

— Ворон, — сказал Веймар. — Когда он понял, что тебя удерживают силой, то отправил птицу с письмом, где подробно описал вашу группу и ваши приметы. Мы ждали вас.

Я мысленно поблагодарил Горана. В этом мире, полном чудовищ и предателей, нашелся один честный человек, который спас мне жизнь.

— Ты хочешь знать, кто мы такие? — спросил Веймар, поднимаясь из-за стола. Он подошел к одному из черепов на стене — чудовищной рептилии с рядами иглоподобных зубов. — Наш мир болен. В его темных углах, в глубоких лесах и непроходимых болотах гнездятся твари, о которых простые люди рассказывают шепотом у камина. Наш Орден Железного Кулака был создан, чтобы быть лекарством. Мы — охотники. Мы — палачи. Мы выжигаем эту скверну там, куда не решаются сунуться ни лорды, ни короли. Эта крепость — наш форпост на этих проклятых болотах. А это, — он постучал костяшками пальцев по черепу, — трофеи нашей охоты.

Он рассказал о битвах с опасными тварями, о культистах, приносящих человеческие жертвы древним богам, о нежити, что поднимается из древних могильников. Его голос был спокоен, но в его словах была несокрушимая уверенность.

— Тварь, которую ты знаешь как Хаана, был одним из них. Древнее зло, которое мы обязаны отслеживать и уничтожать. И я благодарен тебе за помощь. Спасибо, что предупредил моих людей. В последние несколько лет чудовищ стало больше. Не знаю почему. Но миру повезло, что есть мы — орден.

Он посмотрел на меня в упор.

— У тебя есть куда идти? Семья?

— Я сирота, — тихо ответил я.

— Я так и думал, — кивнул Веймар. — В таком случае, я предлагаю тебе остаться. Здесь, в этих стенах, ты будешь в безопасности. Мы можем обучить тебя. Дать тебе цель. Научить сражаться со злом. Ты можешь стать одним из нас.

Предложение повисло в воздухе. Стать одним из них? Одним из этих жестоких, холодных людей, которые разрубают врагов и вытирают мечи о плащи мертвецов? Я вспомнил их глаза — пустые, как у Веймара, или безумные, как у павшего рыжебородого воина. Но я вспомнил и другое. Они спасли меня. Они были единственной силой, которая смогла остановить Хаана.

Можно ли им доверять? Я не знал. Но я знал одно: за стенами этой крепости меня ждала лишь смерть от рук наемников лорда или, что еще хуже, выжившего Веика. А здесь... здесь была другая угроза. Тот, кто предупредил Хаана, был среди них. Если я останусь, я буду жить бок о бок с предателем, который, узнав, что я рассказал о нем, может захотеть убрать меня как ненужного свидетеля.

И все же здесь была хоть какая-то надежда. Надежда перестать быть жертвой.

Глава 8 — Игрушки для выживания

Прошло несколько месяцев. За стенами крепости осень сменилась зимой, и мелкий, колючий снег теперь засыпал плац и крыши бараков. Эти месяцы я провел уже в казарме разведчиков, но первый, самый сложный, прошел в общем котле для новобранцев. Это было странное сборище. Молодые парни из окрестных деревень, все старше меня — самому младшему едва исполнилось пятнадцать. Одних сюда отправили родители, чтобы не кормить лишний рот. Других списали из городских школ, когда стало ясно, что толковых подмастерьев из них не выйдет. Для них Орден был последним шансом на сытую жизнь и хоть какое-то будущее.

Месяц нас гоняли до седьмого пота, а потом началось распределение. Тех, кто был покрепче, определили в копейщики или щитonosцы. Метких забрали в арбалетчики. Тех, кто был посмышленей и мог сосчитать до ста, отправили к осадным машинам. Я, со своим малым ростом и явной физической слабостью на фоне деревенских парней, не подходил никуда. Я уже был уверен, что меня просто вышвырнут за ворота, когда за мной пришел Гаррет и забрал к разведчикам. Наверное, они единственные разглядели в моей тщедушности не недостаток, а преимущество.

Так я оказался в их казарме. Утренний подъем здесь проходил не так, как у новобранцев. Тут не было громких криков и суеты. Только тихий звон смазываемого оружия, скрип кожаных ремней и негромкие разговоры. Эти люди были другими.

Метка на запястье — крохотная, почти незаметная капля — стала моей постоянной головной болью. В общей бане, где новобранцы толкались плечами в облаках пара, скрыть её было почти невозможно. Однажды здоровяк Бруно, чей кулак был размером с мою голову, перехватил мою руку, когда я тянулся за обмылком.

— Гляньте-ка, у пацана клеймо! — гоготнул он, выставляя мою руку на всеобщее обозрение. — Что, Крас, в Велграде как вора пометили, или это слеза по мамкиной юбке?

Я не стал вырываться. Вместо этого я изобразил на лице самое дебильное выражение, на которое был способен.

— Да какая там слеза... Глупость это, — я шмыгнул носом, стараясь выглядеть как можно более жалко. — Прошлым летом через наш двор мастер проходил, иглами по коже бил. Мы с пацанами на спор решили проверить, кто не струсит. Мне вот эта капля досталась — мастер божился, что это «слеза удачи». Содрал три медяка, а рука потом неделю чесалась так, что выть хотелось. Теперь вот на всю жизнь память, какой я был дурак.

Парни заржали, и интерес к моей руке пропал так же быстро, как и появился. Позже, когда кто-то из любопытства снова тыкал пальцем в каплю, я просто отшучивался: говорил, что это мой личный знак чистоты — как только капля скроется под слоем грязи, значит, пора в баню.

Разведчики оказались куда проницательнее. Гаррет и Морик никогда не спрашивали о метке вслух, но я чувствовал их взгляды. Когда я тренировался или чистил болты, их глаза нет-нет да и задерживались на моем запястье. В этом взгляде не было издевки — только холодное, профессиональное любопытство. Они явно знали, как выглядят дешевые татуировки, набитые пьяным мастером, и капля, пугающе четкая и словно пульсирующая под кожей, никак не вписывалась в мою историю. Но они молчали. Возможно, ждали, когда я сам заговорю. Я же открываться не спешил.

Я сел, растирая затекшие мышцы. Мое тело, когда-то ловкое и быстрое, теперь было перекроено на новый лад. Оно стало жестче, грубее, и каждый вечер отзывалось тупой болью после бесконечных тренировок.

Вчерашний день не был исключением. Часы муштры с мечом, который все еще казался мне чужеродным куском железа. Уроки верховой езды, после которых я еле сползал с седла. И

самое унижительное — стрельбище. Я снова и снова пытался натянуть тетиву армейского лука, но руки предательски дрожали. Тяжелый орденский арбалет был не лучше. Разведчики, в отличие от новобранцев, не насмехались. Они просто молча качали головами, а Кай однажды бросил: «Сила придет. Если доживешь». В такие моменты я с тоской вспоминал свой маленький, идеально сбалансированный арбалет, купленный на воровские деньги в Велграде. Он остался где-то там, в куче вещей Хаана, и я почти не надеялся когда-нибудь его снова увидеть. Но дело было не только в тоске по старому оружию. Где-то там, за стенами крепости, был Веик. Второй убийца, напарник Хаана. Он выжил и сбежал. И я знал — однажды он придет за единственным свидетелем того, что они сделали в Велграде. Эта мысль холодным узлом завязывалась в животе каждый раз, когда я ронял меч или не мог натянуть тетиву. Я должен был стать сильнее. Не ради Ордена, а ради того, чтобы выжить, когда мы с Веиком встретимся вновь.

— Крас! — раздался над ухом знакомый голос. Разведчик Гаррет, один из тех самых «наперсточников», хлопнул меня по плечу. С тех пор, как они с Каем привели меня в казарму, они взяли меня под надзор. — Вставай. Командор вызывает тебя к себе.

Сердце пропустило удар. Вызов к Веймару никогда не сулил ничего хорошего. Я быстро оделся, натянув серую орденскую куртку, и вышел из казармы, оставив позади привычный запах пота, кожи и оружейной смазки.

Холодный зимний воздух обжег лицо. Крепость жила своей суровой, размеренной жизнью, приспособленной к зиме. Снег, утопанный сотнями сапог, скрипел под ногами. Дыхание вырывалось изо рта облачками пара. У кузницы, от которой валил густой дым, раздавался яростный стук молота — оружейники работали без передышки. Я прошел мимо плаца, где новая партия новобранцев, таких же зеленых и испуганных, каким я был несколько месяцев назад, неуклюже тыкала копьями в соломенные чучела. Один из копейщиков, чья койка была рядом с моей в первые недели, проводил меня долгим, ничего не выражающим взглядом. Мы больше не были на равных. Он стал винтиком в боевой машине Ордена. А я? Я до сих пор не знал, кем я стал.

Я шел через весь двор, чувствуя на себе эти взгляды. Для большинства я все еще был чужаком, темной лошадкой, непонятно как попавшей в элиту — к разведчикам. Я поднялся по ступеням главной башни и толкнул тяжелую, окованную железом дверь. Внутри меня встретила гулкая тишина и запах ладана, который жгли во время утренних молитв. Мои шаги эхом отдавались от высоких каменных сводов.

Я поднялся по широкой лестнице на второй этаж. Коридоры здесь были уже, и я то и дело встречал других обитателей цитадели. Пахло совсем иначе — холодным камнем, воском от свечей. Это был запах власти, чужой и давящий. Пробежал слуга с охапкой чистого белья. Двое офицеров в безупречных доспехах стояли у окна и тихо о чем-то переговаривались. Когда я проходил мимо, они замолчали и проводили меня взглядами, в которых смешались подозрительность и плохо скрываемое любопытство. Я невольно подумал, не является ли один из них тем, кто приходил к Хаану той ночью. Эта мысль теперь всегда была со мной, заставляя всматриваться в лица и жесты.

Я заставил себя идти дальше, чувствуя их взгляды на моей спине. Коридор, ведущий в кабинет Командора, был самым тихим. Здесь не было ни слуг, ни патрулей. Только гобелены с выцветшими сценами охоты на чудовищ на стенах. Я остановился перед знакомой дубовой дверью, на миг прикрыв глаза. Я пригладил волосы, одернул куртку, пытаюсь собраться с духом. Затем сделал глубокий вдох и трижды постучал.

— Заходи, — донеслось изнутри.

Я вошел. Веймар сидел за столом, но мой взгляд приковало не его лицо, а то, что лежало на полированной поверхности дерева, выставленное на обозрение, словно улики на суде. Мой мир сжался до этого пятна на столе. Вот он, мой маленький, сбалансированный арбалет — залог моего выживания в городе. Рядом — два флакона, один с усыпляющим составом, другой

— со смертельным. Россыпь коротких болтов с характерными бороздками у наконечников. А между ними, как невинная жертва среди палачей — кожаный мешочек, расшитый рунами. Мамин. Последнее, что у меня осталось от нее, от прошлой жизни. Кровь отхлынула от лица. В ушах зазвенело. Это был провал.

Я замер на пороге.

— Сядь, — предложил Веймар, его голос был как всегда ровным.

Я сел на стул напротив него, не в силах отвести глаз от своих вещей. На одно безумное мгновение в голове мелькнула мысль: схватить все со стола и броситься к двери. Прочь, вниз по лестнице, через двор — и на свободу. Но я тут же подавил этот порыв. Я был в сердце цитадели, в кабинете ее хозяина. Даже если бы я чудом миновал солдат и офицеров в здании, двор простреливался с десятка постов. Это был не побег. Это было бы самоубийство. Ловушка захлопнулась.

— Занятная коллекция для племянника хозяина гостиницы, — начал Веймар, не отрывая от меня взгляда. — Арбалет почти игрушечный, но сделан мастером. Болты... с желобками. Удобно для нанесения определенных составов. Этих составов. — Он кивнул на склянки. — А семена в этом мешочке... наш главный травник не смог их опознать. Он говорит, они, наверное, с юга и очень редкие. Расскажи мне еще раз историю про своего дядю, Крас. Я внимательно слушаю.

Внутри все похолодело. Это был конец. Моя хлипкая легенда рассыпалась в прах. Я мог продолжать лгать, изворачиваться, но глядя в эти бесцветные глаза, я понял — это бессмысленно. Он уже все знал. Оставалось только одно — рискнуть и поставить свою жизнь на правду. Или хотя бы на часть правды.

— Когда я оказался в Велграде... — мой голос дрогнул, но я заставил себя говорить. — Я примкнул к Гильдии воров. Да, это мои вещи. Арбалет я купил на свои деньги.

— Гильдия, значит, — задумчиво произнес Веймар, барабанив пальцами по столу. — И ты хочешь вернуться к ним? К своим?

Я отрицательно качнул головой.

— Они мертвы. Все. Хаан убил их всех. Мне некуда возвращаться.

Веймар едва заметно хмыкнул.

— Смеси готовил сам, — продолжил я, набираясь смелости. — А семена... они остались от матери. Она была травницей, родилась на юге.

Командор молчал. Тишина давила, заставляя воздух в комнате густеть.

— Что в склянках? — наконец спросил он. — Скольких ты убил этим оружием?

— Никого! — вырвалось у меня слишком громко. — Я не хотел никого убивать! Я готовил их, только когда в городе стало по-настоящему опасно. Люди пропадали, стража ничего не делала. Я... — я запнулся, но решил идти до конца. — Один раз я использовал дротик. Усыпил человека, но он не умер! Я просто хотел выжить.

Веймар долго смотрел на меня, и я не мог понять, верит он мне или нет.

— В Орден не все попадают с чистой совестью, — медленно произнес он. — У многих за плечами своя «история». В наших рядах ценятся не только те, кто умеет махать мечом, но и те, кто умеет выживать. Эти игрушки могут тебе пригодиться.

Он медленно подтолкнул вещи к краю стола, в мою сторону.

— Но если я узнаю, что ты использовал их против нас... ты умрешь.

Я не верил своим глазам. Дрожащими руками я сгреб свои сокровища. Первым делом я прижал к груди мешочек с семенами. Последняя память о матери. Я месяцами думал, как выкрасть его, и вот он снова у меня в руках.

— Спрячь семена и никому не показывай, — добавил Веймар. — Не стоит провоцировать людей.

— Спасибо, — прошептал я. — Спасибо, Командор. Я... я постараюсь быть полезным Ордену. Всем, чем смогу.

Веймар задумчиво посмотрел на огромную карту, висевшую на стене позади него. На ней была изображена крепость, Велград и множество деревень вокруг. В разных местах торчали иголки с красными головками.

— Слышал ли ты в Велграде что-нибудь о нападениях болотной твари? Может, в тавернах, в Гильдии кто-то рассказывал что-то конкретное? Уже много лет эта тварь орудует у нас под носом, а мы бездействуем. Мои люди ни разу не видели ее, только следы ее разорений.

Пальцы сами собой сжались в кулаки. Я не просто слышал.

— Это было много месяцев назад, — начал я, и голос прозвучал глухо, чужеродно. — Кажется, в прошлой жизни. Я ехал с одним торговцем в город через болота. Проезжали через деревню... и прямо там, на главной улице, на нас напала тварь. Она была большая, размером с лошадь, и я до сих пор помню ее горящие глаза. В сумерках было видно только их, и еще тьму... тьму, которая была ее телом. Она будто расплывалась и размывала дома за собой.

Веймар подался вперед, его бесцветные глаза, казалось, впились в меня.

— Нас спас местный жрец Сагота⁴. Он пустил нас в свое святилище, и тварь не посмела туда сунуться. Но нашу лошадь она сожрала. Жрец рассказал, что жители деревни уже много лет поклоняются этим болотным монстрам как богам. Приносят им жертвы, чтобы те их не трогали. А еще он сказал, — я сделал паузу, собираясь с духом, — что регулярно писал об этом в Велград. Но его письма просто игнорировали.

На словах «игнорировали в Велграде» лицо Веймара превратилось в непроницаемую маску, но я увидел, как напряглись его пальцы, лежавшие на столе. Лорд, нанявший Хаана. Предатель в крепости. Покрывательство целого культа чудовищ. Все это могло быть связано.

Веймар, не говоря ни слова, протянул руку, приподнял маленький звоночек со стола и позвонил. Почти мгновенно дверь распахнулась, и в кабинет ворвался капитан Арнок с обнаженным мечом, готовый к бою. Я похолодел, понимая, что это тоже было частью испытания. Не расскази я правду, и сейчас меня бы уже скрутили. Или убили.

— Капитан, созывай офицеров, — приказал Веймар, и тень ярости в глазах капитана сменилась деловой сосредоточенностью.

Через несколько минут комната наполнилась старшими офицерами Ордена. Услышав мой рассказ, они пришли в возбуждение.

— Такое зло не должно существовать! — воскликнул один из них.

— Деревня на болоте... Это может быть ее логово! — предположил другой.

Веймар поднял руку, пресекая споры.

— Пока хватит. Нам нужны факты. — Он повернулся ко мне. — Крас, ты отправишься в архив. Нашему хранителю знаний, брату Элиасу, понадобится помощь. Найдите все, что сможете: упоминания подобных культов, описания тварей, которые подходят под то, что ты видел. Каждая деталь важна.

Один из офицеров кивнул солдату, и тот вывел меня из кабинета. Мы шли по гулким коридорам, и я прижимал к себе мешок со своими вещами, словно спасательный круг в бушующем море. Солдат держался на шаг позади, и я чувствовал на своей спине его равнодушное, почти скучающее присутствие. Меня все еще колотило от пережитого. Возбуждение, острое и злое, гудело в крови. Только что я стоял на краю пропасти, уверенный, что следующий шаг будет последним. Но я не упал. Я угадал, чего ждал от меня Веймар, поставил на карту свою жизнь — и выиграл. Ледяной страх медленно отступал, уступая место пьянящему облегчению.

⁴ **Сагот** — Светлый бог ночи, теней и воров. Его последователями обычно являются персонажи соответствующего рода занятий.

и крохотной, но обжигающе горячей искорке гордости. Я смог. И теперь шел выполнять приказ, а не в кандалах в темницу.

Меня отвели в библиотеку Ордена. Это было огромное круглое помещение с куполообразным потолком, терявшимся в полумраке. Для всех высокие стеллажи были лишь нагромождением теней, но я видел каждый символ, каждую выцветшую букву на корешках книг, запряженных в самые темные углы. Мой взгляд скользил по полкам, выхватывая названия, которые другой мог бы прочесть только с лампой в руках. Стены от пола до самого верха были застроены стеллажами из темного дерева, прогибавшимися под тяжестью бесчисленных книг и свитков. Пахло старой бумагой, пылью и сургучом.

За огромным столом, заваленным рукописями, сидел старик. Это был невысокий, совершенно лысый человек с густой седой бородой, которая, казалось, жила своей жизнью. Он поднял голову, и его глаза за толстыми стеклами очков показались мне огромными.

— Чем могу помочь? — спросил он, его голос был мягким и скрипучим.

Солдат, который меня сопровождал, шагнул вперед.

— Брат Элиас, по приказу Командора. Новобранец Крас обладает информацией о культе на болотах и о твари, которой они поклоняются. Командор велел ему оказать вам полное содействие в поиске любой информации в архивах.

Солдат кивнул нам обоим и, развернувшись, вышел, оставив меня наедине с хранителем знаний.

— Крас, значит, — проговорил старик, не отрывая от меня изучающего взгляда. — Я брат Элиас. Присаживайся. — Он указал на стул напротив себя. — Еще один гонец от Командора. В последнее время он стал слишком часто отправлять ко мне людей с такими... необычными историями. Откуда ты, мальчик, если не секрет? Выговор у тебя не здешний.

Я сел. Любопытство в глазах старика было неподдельным, не таким, как взгляды прочих офицеров. Оно было лишено угрозы.

— Я из Велграда, — ответил я. — Но родился в неделе пути к северу.

— С севера? — борода Элиаса заинтересованно дернулась. — Вот как. Видел ли ты что-нибудь еще... необычное, кроме этой вашей болотной твари?

Его вопрос заставил меня вспомнить мертвецов с огоньками в глазницах из храма Релвины, но я решил пока об этом промолчать. Это не имело отношения к делу.

— Нет, — покачал я головой.

Элиас хмыкнул и откинулся на спинку стула, который жалобно скрипнул.

— Что ж. Командор Веймар — человек, которого интересует все необычное. Он, знаешь ли, похож на нас, книжников. Только книги у него — живые люди, а вместо букв — их страхи и тайны. И он умеет их читать куда лучше, чем я — древние фолианты. Ну да ладно, не будем о нем. Рассказывай, что привело тебя ко мне.

Я начал рассказывать ему все, что видел: про деревню, про нападение твари, про слова жреца. Мой взгляд скользнул по заваленному книгами столу и зацепился за толстый фолиант в кожаном переплете, лежавший прямо перед Элиасом. На обложке было выдавлено золотым тиснением: «Трактат о Порче и Не-жизни». Эти слова так точно описывали то, с чем я столкнулся в лице Хаана, что я сбился на полуслове.

— Продолжай, — мягко сказал Элиас, заметив мою заминку.

Я встряхнулся и закончил свой рассказ. Когда я замолчал, Элиас не стал сразу говорить о деле. Вместо этого он постучал пальцем по книге.

— Ты ведь прочел название, не так ли? Ты умеешь читать, мальчик?

— Да, — кивнул я.

Лицо Элиаса просияло.

— Превосходно! Это сэкономит нам массу времени!

Следующие два дня я почти безвылазно провел в архиве. Это было похоже на погружение в другой мир, сотканный из запаха пыли и старого пергамента. Мы с Элиасом работали при свете нескольких свечей, чьи языки пламени отбрасывали на высокие стеллажи длинные, пляшущие тени. Тишину нарушали лишь скрип половиц под ногами старика, шуршание хрупких страниц и его тихое бормотание себе под нос, когда он находил что-то интересное.

Сначала мы сосредоточились на бестиариях. Элиас, кряхтя, спустил с верхней полки тяжелый том в потрескавшемся кожаном переплете.

— «Бестиарий Северных Топей», — объявил он, сдувая с обложки пыль, которая тут же заплясала в луче света. — Посмотри, что водится в наших краях.

Я склонился над пожелтевшими страницами с искусными, но пугающими изображениями. Я обнаружил там описания гигантских пиявок, способных утащить под воду целую корову, и проворных водяных змеев с ядовитыми клыками. Но ничего, даже отдаленно похожего на бесформенную тьму с горящими глазами, я не нашел.

Затем мы переключились на культы. Я наткнулся на книгу «Малые боги и кровавые культы приграничья». В ней описывалось несколько деревенских верований, где жители поклонялись древним чудищам, принося им в жертву скот и порой даже людей, чтобы обеспечить себе защиту. Все это было очень похоже на то, что рассказал мне жрец Сагота. Но вот с самой тварью была проблема. Мы просмотрели все бестиарии Ордена, изучили сотни картин. Ничего. Ни одно описание не подходило под то, что видел я.

— Странно, — наконец пробормотал Элиас, потирая свою окладистую бороду. Он отложил в сторону очередной свиток. — Либо это что-то совершенно новое, либо настолько древнее, что записи о нем утеряны. Но информация о культах — это уже что-то. С высокой вероятностью вся деревня поддалась скверне, а значит, они нам помогать точно не станут...

Я передал наши находки Командору. Он выслушал молча. Отсутствие информации о твари его, казалось, не смутило, а лишь укрепило в решимости.

Я чувствовал странную смесь разочарования и азарта. Книги не дали ответа, а значит, ответ придется искать там, на болотах, самим...

Вернувшись в казарму, я первым делом достал свои вещи. Я дождался, пока погаснут последние свечи, и вытащил арбалет. В полной темноте он казался мне живым существом. Я видел каждую царапину на дереве, каждую зазубринку на механизме спуска. Мои руки, направляемые зрением, которое не нуждалось в свете, привычно проверили натяжение тетивы. После недель муштры с неуклюжим и тяжелым орденским оружием, мой маленький арбалет лег в ладонь как влитой. Пальцы сами нашли знакомые изгибы, ощутили привычную тяжесть. Я провел по тетиве — она тихо, по-дружески звякнула. Я разложил на одеяле свои сокровища: короткие, идеально сбалансированные болты, а также два маленьких флакона из темного стекла. Пальцы привычно откупорили один, с усыпляющим составом, затем другой, со смертельным. Никакой дрожи, никакой неуверенности я не чувствовал. Это была моя стихия. И сейчас, в преддверии охоты на неведомую тварь, оно давало мне не просто уверенность. Оно возвращало мне меня самого.

Следующие дни превратились в сплошную подготовку. В кузнице ковали специальные серебряные наконечники для копий. Во дворе плотники собирали три легкие баллисты, которые можно было погрузить на телеги.

Мои тренировки тоже изменились. Меня больше не заставляли мучиться с тяжелым солдатским арбалетом. Мне разрешили тренироваться со своим. Каждый день я оттачивал навыки, и у меня даже стало получаться. Я уже мог спокойно держаться в седле и мог попасть в яблоко с двадцати шагов. С мечом, конечно, все было печальней...

Все свободное от тренировок время я проводил в библиотеке. Читал о нечисти, о которой раньше слышал только в сказках. Я нашел упоминания о ходячих мертвецах с огоньками в головах, точь-в-точь как те, что я видел в храме Релвины. О гигантских песчаных червях, летающих ящерицах и многом другом. Мир оказался куда страшнее и удивительнее, чем я мог себе представить.

Наконец, состав экспедиции был определен. Двадцать копеечников с посеребренными наконечниками. Десяток лучших арбалетчиков. Три расчета баллист. И во главе — сам Командор Веймар. Меня тоже включили в отряд, как проводника и единственного, кто видел тварь. С нами также отправился разведчик по имени Морик, тот еще балагур.

В день выхода во дворе крепости провели ритуал благословения. Проводил его сам Командор. Он зажег в медной чаше пучок сухих трав, и терпкий, горьковатый дым поплыл над нашими головами и разложенным на столах оружием. Когда дым окутал серебряные наконеч-

ники копий и болты для баллист, Веймар произнес низким, ровным голосом, который, казалось, проникал под самую кожу: «Что нечисто — очистится. Что порочно — сокрушится. Мы — Кулак».

После этих слов во дворе повисла звенящая тишина, которая тут же сменилась деловитым гулом. Мы разошлись, проверяя снаряжение и готовя повозки. Я как раз пересчитывал свои короткие арбалетные болты, когда рядом возник Морик. Он был одним из тех «наперсточников», что когда-то перехватили меня и Хаана на тракте, и, как и Гаррет, оказался разведчиком Ордена. Морик ухмыльнулся, хлопнув меня по плечу.

— Ну что, малец, готов к охоте на духов? — весело спросил он. — Твоя тварь, говорят, из одной только тьмы состоит. Главное, самому тьмой не стать от страха. Держись поближе, если что. Может, она подавится таким тощим куском, как ты, и мы успеем удрать.

Он подмигнул и отошел, оставив меня с легким удивлением. Его грубоватая шутка почему-то не обидела, а наоборот, немного разрядила ледяное напряжение внутри.

Я поднял руку в прощальном жесте, заметив среди провожающих Гаррета. Я смотрел на все это, и впервые за долгое время чувствовал не только страх, но и странное, злое предвкушение. Я отправлялся на свою первую настоящую охоту.

Глава 9 — Возвращение в болота

Путь до болот занял почти неделю. Мы медленно тянулись по разбитой дороге, и почти весь отряд ехал верхом. Я и Морик то и дело выезжали вперед, чтобы разведать обстановку. Почти все, кто попадался нам навстречу, в ужасе шарахались в стороны, едва завидев нас. В эти смутные времена люди боялись солдат больше, чем разбойников.

Спустя пару дней впереди показались стены Велграда. Сам вид нашего вооруженного отряда вызвал в городе переполох. Ворота с грохотом захлопнулись прямо перед носом у десятка крестьян, которые так и остались снаружи, в отчаянии колотя кулаками по толстым створкам и умоляя их впустить.

Командор приказал поднять знамя и, не сбавляя шага, свернул на дорогу, что вела вдоль крепостных стен. Наверху метались стражники. Они были в черном. В черном? Я похолодел. За месяцы моего отсутствия городская стража сменила серые цвета на черный цвет лорда. В груди все сжалось. Никакого желания возвращаться в город у меня не было. К счастью, командор, похоже, тоже не планировал задерживаться.

Мы свернули на восточный тракт, и стены Велграда вскоре скрылись за деревьями. После еще нескольких дней пути мы наконец остановились. Лес постепенно редел, уступая место чахлым, искривленным деревцам, окутанным седыми прядями мха. Воздух пропитался запахом гнили и тины. Впереди простирались бесконечные топи, подернутые тонкой ледяной коркой.

Я поежился, кутаясь в теплый плащ. Это место пробуждало во мне тяжелые воспоминания. В подобном месте я когда-то оставил умирать Косаря. Мысль о нем до сих пор вызывала неприятный холодок в груди. Но сейчас мы вернулись не за моими призраками прошлого. Нас привела сюда куда более страшная угроза.

Я предупредил всех, что деревня буквально в километре дальше за поворотом. Морик, сославшись на то, что меня могут узнать, оставил колонну и отправился в деревню один. Мы стояли молча, стараясь не шуметь, и ждали.

Время тянулось мучительно долго. Наконец из-за деревьев показался Морик. Его лицо было хмурым.

— Ну что? — спросил я, когда он подошел.

— Странно там все, — ответил он, стряхивая капли влаги с плаща. — Люди в деревне есть, по домам сидят, из окон зыркают. Но на улице — никого. И тихо...

— Что значит «тихо»?

— Ни одной собаки не тявкнет, ни одной курицы не закудахчет. Я много деревень повидал на своем веку, но такую — впервые. Будто мор на скот напал, а люди от страха попрятались.

Слова Морика лишь усилили тревогу. Картина, которую он нарисовал, не предвещала ничего хорошего. Мы двинулись дальше и вскоре сами увидели деревню. Она притаилась на островке суши посреди болота. Почти все дома были деревянными, с крепкими ставнями, закрытыми наглухо, и лишь несколько — каменные, один из них с полукруглой покатой крышей. Сарай выделялись массивными дверями, будто там прятали сокровища, а не сено со скотом. В воздухе витал запах сырости и стоячей воды.

Мы въехали на небольшую площадь, которая почти не изменилась с моего прошлого визита. Нас встретила та самая тишина, о которой говорил Морик. Но деревня не была пуста. Из-за плотно закрытых ставен за нами следили десятки глаз. На скрип наших шагов из одного из домов вышел староста — невысокий мужчина в кожаной куртке. Его губы скривились в усмешке, обнажив щербатые зубы.

— Что вам нужно в наших краях, чужаки? — спросил он, недружелюбно оглядывая наш отряд.

Я держал коня чуть позади, наблюдая за командором.

— Меня зовут Веймар, — шагнул вперед командор, держа лошадь под узцы. — Нас привели сюда нападения в вашей округе. Мы пришли разобраться.

Староста хмыкнул.

— Твари? Вздор. Нет тут никаких тварей. Земля у нас сложная, да. Но мы сами справляемся. Уходите, откуда пришли. Нам ваша помощь не нужна.

Староста был непреклонен. Сколько бы командор ни пытался его убедить, он твердил одно: уходите. Жители, выглядывавшие из окон, молча поддерживали его, в их глазах читался страх и недоверие. Было ясно — помощи от них мы не дождемся.

Пока командор и староста продолжали препираться, я заметил, как из одного из домов на площадь вышел человек в темной рясе. Я показал на него Морику, и мы, не сговариваясь, направились к нему.

Староста заметил наше движение и оглянулся. Увидев жреца, он побагровел от злости.

— Убирайся в дом, Тарим! — заорал он. — Не смей вмешиваться!

Но жрец проигнорировал его. Подойдя к нам с Мориком, он всмотрелся в мое лицо, и его глаза, до этого горевшие фанатичным огнем, потеплели.

— Крас! Воистину ли это ты? — закричал он. — Слава всеблагову Саготу! Он внял моим молитвам и послал сие дитя для спасения душ заблудших!

Не успел Тарим договорить, как командор Веймар властно поднял руку.

— Спешиться! — его голос прорезал напряженную тишину.

Солдаты как один соскочили с коней. Они без церемоний оттеснили в сторону продолжавшего что-то кричать старосту, быстро занимая небольшую площадь и уходящую от нее улицу. Обозы с частями осадных машин с грохотом поставили в центре, образовав импровизированное укрепление. Командор начал отдавать короткие, четкие приказы, распределяя караулы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.